II 1976

4 6 6

ТУ 19—32—73

1

3

студия
ДИАФИЛЬМ

Э. Лабулэ

Как петушок попал на крышу

Художники
А. Савченко, Б. Степанцев.

Жила-была на птичьем дворе прекрасная чёрная курица. На голове она носила маленькую корону, как испанская королева. А на ногах у неё были широкие штаны, как у турецкой султанши.

По пятам за ней ходила дюжина цыплят — шесть курочек и шесть петушков. Мальчики уже немного умели кричать «ку-ку-ре-ку», а девочки премило кудахтали.

Но был у курицы ещё один сынок — тринадцатый. Вот уж этот нисколько не был похож на своих братьев. Сказать по правде — он ни на что не был похож. У него не хватало одной лапки, одного крыла и одного глаза.

Но это не мешало ему кричать громче всех и выхватывать из материнского клюва зёрна и червяков быстрее, чем его двуногие и двуглазые сёстры и братья. Он никому не уступал дороги и вёл себя задорней, чем все петухи Испании. [Б]

Целыми часами он простаивал над какой-нибудь лужицей и любовался своим отражением, хоть любоваться-то было нечем.

Если кто-нибудь из братьев нечаянно толкал его, он кричал: «Всё зависть! Всё ку-ку-ревность!» — И кидался в драку.

В конце концов он решил покинуть этот жалкий птичий двор.— «Матушка,—сказал он.—Испания мне надоела! Я отправляюсь в Рим!» — «Куда? Куда?» — закричала курица.— «В Рим!—сказал её тринадцатый сын.—Я хочу видеть свет и хочу, чтобы свет увидел меня!»

— «Мой бедный мальчик! — грустно сказала курица. — Разве ты не знаешь, что у тебя не хватает лапки, глаза и крыла?» — «Ну и что же? — небрежно сказал он. — Это не помешает мне занять высокое положение в обществе!»

С этими словами он распустил хвост, добежал до калитки и скрылся из виду. Смахнув крылом слезу, курица поплелась в тень старых шелковиц, чтобы немного успокоиться.

А её тринадцатый сын уже мчался в полскока, в пол-лёта, наслаждаясь свободой и утренней прохладой. Он останавливался, чтобы клюнуть зёрнышко или червячка, а потом опять летел, бежал, скакал...

Но когда солнце поднялось повыше, ему стало жарко и захотелось пить. А так как у него не было правого глаза, он посмотрел налево, сделал пол-оборота, опять посмотрел налево и закричал: «Река! Ку-ку-река!»

Но это была не река, а маленький ручеёк, почти пересохший от зноя. Струйка воды была такая тоненькая, что два листика, упавшие с дерева, преградили ей путь, словно плотина.

Но для нашего странника и этого ручейка было достаточно. Он опустил клюв в воду, закинул голову назад, снова наклонился, снова откинулся—и так до тех пор, пока не почувствовал в горле приятную свежесть.

И вот, когда он наклонился в последний раз, вода пролепетала еле слышным от слабости голосом: «О, сеньор, отбросьте в сторону эти два листика, и вы вернёте меня к жизни! Придёт время, и я отблагодарю вас!..»

—Что?—сказал тринадцатый цыплёнок (для краткости будем называть его просто Тринадцатый).—Вы, кажется, принимаете меня за чистильщика канав? Нет, я вам не слуга, справляйтесь сами, как знаете!

Тут он взмахнул крылом, оттолкнулся от земли шпорой и перелетел на другую сторону ручья.—«Ты ещё пожалеешь об этом»,—пробормотала вода, но он не стал даже слушать, что она там говорит.

К тому времени, когда солнце поднялось на середину неба, Тринадцатый добрался до оливковой рощи. Он нашёл себе уютное местечко в тени, закрыл глаз и задремал.

Ему снился очень приятный сон—будто он занял самое-самое высокое положение в свете. Это он вместо солнца плыл по небу, а солнышко, опустив золотой гребешок и свернув лучистые крылья, дремало в роще.

Выспавшись хорошенько, Тринадцатый открыл свой единственный глаз, взмахнул своим единственным крылом и отправился дальше. Скоро он вышел на полянку, всю заросшую кустами диких роз.

—И кто только насажал здесь столько ко-ко-колючек?—сказал он.—Надо поскорее удирать отсюда!—И он так сильно взмахнул крылом, что ветки кругом закачались, а в траве что-то зашелестело.

—Добрый сеньор,—чуть слышно шелестело в траве.—Я—ветер. От жары я совсем обессилел... Взмахни своим крылом ещё разок-другой, чтобы я мог подняться...

Но Тринадцатый только тряхнул гребешком и сказал: «А вы помните, сеньор ветер, как недавно вы гоняли меня по двору? Вам было тогда очень весело! Что ж, — видно, и насмешники бывают иногда в смешном положении!»

Сказав эту речь, Тринадцатый выгнул грудь колесом, крикнул «ку-ку-ре-ку» и побежал дальше. Он бежал по сжатому полю, на котором горкой лежали вырванные сорняки.

Тринадцатый подошёл поближе и увидел маленький огонёк, который чуть теплился в куче свежей травы.—«Помоги, дружище!—зашипел огонёк.—Принеси мне несколько сухих соломинок, а не то я совсем угасну!..»

—А не припомните ли вы,—сказал Тринадцатый,—кто зажарил мою бабушку Брамапутру и мою тётушку Пулярду?— Тут он вскочил на кучу сорной травы и так придавил её к земле, что огонёк сразу погас.

А Тринадцатый помчался дальше. К вечеру он увидел впереди городскую стену, черепичные крыши и высокую башню. — «Ку-к-ура! Ку-ку-Рим! Ку-ку-ре-ку!» — закричал он во всё горло.

На самом деле это был не Рим, а маленький кастильский городок. Но Тринадцатый считал, что достиг цели и теперь ему оставалось только занять высокое положение в свете. Но как это сделать?

И вот он побежал на самую большую площадь в городе — это была площадь перед ратушью — и принялся кричать изо всех сил: «Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку!»

—«Ты слышишь?—сказал своей жене сторож.—Чей это петух заливается?»—«Ума не приложу,—сказала сторожиха.— У нас таких горластых петухов во всём городе нет».

—И кричит-то в неурочное время,—прибавил сторож и вышел посмотреть на буяна. Он поймал его за хвост, перевернул вниз головой и потащил на кухню.

—«Погляди-ка, жена, на это диво! — сказал он. — Никогда ещё не видел я такого петуха!» — «Да разве это петух? — сказала сторожиха. — Это просто полпетушка. А ведь туда же — кричит, как настоящая птица!»

—Нам на ужин и полпетуха довольно,—сказал сторож.—Давай-ка сюда кипятку, жена, да ошпарь его хорошенько, чтобы легче было ощипать.—Сторожиха сняла с очага целый чугунок кипятку.

—«Здравствуйте! Здравствуйте!»—заклокотала вода в чугунке. Ах, какая это была неприятная встреча!—«Сеньора Вода!—закричал Тринадцатый.—Прошу вас—не кипятитесь! Сжальтесь надо мной! Не обварите меня!»

—А ты пожалел меня, когда я была слабее тебя?—ответила вода, вся бурля от гнева. И она выплеснулась на него с такой яростью, что ни одной пушинки не осталось у него на теле.

Сторож посадил беднягу на вертел и поднёс к огню. — «Господин мой Огонь! — закричал Тринадцатый. — Отец света! Брат солнца! Сжалься надо мной! Сдержи свою горячность! Умерь своё пламя — не жарь меня!»

—А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя?—ответил огонь и засверкал от злости.—Ты не протянул мне в беде даже соломинку!—И он до того распалился, что одним дуновением превратил Тринадцатого в уголь.

—И когда только он успел так сгореть?—сказал сторож, вертя перед глазами чёрного, как сажа, и твёрдого, как палка, петуха.

Сторож открыл окно и выкинул Тринадцатого во двор, прямо в мусорную кучу. — «Ветер! Милый Ветер! — прошептал Тринадцатый. — Пожалей меня! Взмахни надо мной своим крылом! Мне так горячо!»

— А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? — зашумел ветер. — Пошевелил ради меня крылом? Да уж ладно! Подую на тебя! — Ветер дохнул один разок, и петух взлетел на верхушку башни — прямо на острую спицу.

Ветер дохнул ещё раз — и петушок завертелся волчком. Так он и вертится до сих пор. Куда ветер подует, туда и поворачивается одноногий, однокрылый петушок. И зовут его теперь «ветряным петушком», или «флюгером». Но всё-таки своего он добился — занял высокое положение в свете.

Сценарий А. Любарской
Редактор Г. Витухновская
Художественный редактор А. Морозов

Студия «Диафильм», 1972 г.
Москва, 101000, Старосадский пер., д № 7

Цветной 0-30

Д-114-72